

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА АВТОНОМИИ И РОЛИ ИНТЕГРАЦИИ

ЕКАТЕРИНА КОСЕВИЧ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Автономия была и остаётся в центре внимания теоретических исследований в области международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки. При этом углубление и укрепление сотрудничества с соседями по региону традиционно являлось непоколебимым приоритетом для латиноамериканских государств, вокруг которого строилась их внешняя политика. В статье рассмотрены ключевые этапы развития, которые прошёл концепт автономии в рамках теорий международных отношений, разработанных латиноамериканскими авторами. Параллельно исследуются меняющиеся роль и сущностные характеристики интеграции как процесса, модифицирующего свою направленность под давлением различных внешних и внутренних обстоятельств. В исследовании проанализированы ключевые теоретические подходы стран Латинской Америки к изучению международных отношений и внешней политики в период с середины XX столетия и до начала XXI века, а также рассмотрены основные факторы, влияющие на эволюцию внутрирегионального и внерегионального направлений внешней политики государств региона. Выявление системы элементов, формирующих основу современной внешней политики, и сочетания глобального и национального компонентов позволяет определить содержательные перемены парадигмального характера системы международных отношений в Латинской Америке. Эти процессы способствуют пониманию современной международной деятельности и сотрудничества стран региона, обосновывая актуальность и новизну данного исследования. В работе выделено пять ключевых этапов развития концепта автономии, ставших отражением реальных исторических событий, каждый из которых по-своему соотносится с понятием «интеграция»: первый этап характеризовался превалированием реалистского подхода; второй этап был отмечен стратегией «развитие, идущее изнутри»; в течение третьего этапа доминировал концепт относительной автономии; четвёртому этапу было присуще доминирование двух подходов: сепаратистского и относительного; пятый этап проходит под лозунгом концепта ограниченной автономии.

Ключевые слова:

Латинская Америка; теория международных отношений; автономия; интеграция; международные отношения; мир-система.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.12.2022

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: ekaterina.kosevich@gmail.com

Внешнеполитические стратегии государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) на протяжении истории были направлены на достижение автономии от более сильных стран [Bernal-Meza 2005; Colacraї 1992]. Поиск путей повышения самостоятельности заметно активизировался во второй половине XX века. Импульс к такой активизации придало укрепление гегемонии США в Западном полушарии на фоне «холодной войны» и оппозиции Севера и Юга.

Как отмечал Маркос Каплан, с конца 1940-х годов ЛАК и большая часть государств «третьего мира» влились в новую международную систему, характеризующуюся ярко выраженной иерархией «господства-подчинения», формируемой, с одной стороны, развитыми странами, а с другой – слабо развитыми зависимыми государствами [Kaplan 1983]. Эта система, среди прочего, характеризовалась гегемонией США и СССР – двух противоборствующих сверхдержав, поддерживавших *имперский кондоминиум*. Как подчёркивает Каплан, страны ЛАК оказались встроенными в новую систему отношений, имеющую трёх-аспектную структуру *господство-зависимость-неравномерное развитие*, что привело к снижению их автономии в вопросах выбора моделей экономического и общественного развития, а также самостоятельного управления их внешней политикой.

Согласно М. Каплану, государства ЛАК участвовали в диалоге с Севером преимущественно для обсуждения трёх вопросов в рамках сформированного «*порядка допущений и условий*»: касательно мировой концентрации власти, нового глобального разделения труда, выбора моделей развития и модернизации [Kaplan 1983: 186]. Представители Севера обладали исключительными

полномочиями и привилегиями по отношению к ЛАК, внешняя политика которых выстраивалась под сильным влиянием торговых и экономических интересов «северных гегемонов». Вместе с тем модель гибких отношений с открытым обсуждением ключевых вопросов мировой и региональной повестки дня, включая принятие общих решений возникающих проблем, категорически исключалась¹. В результате происходило обострение проблем в межамериканских отношениях, подталкивавшее государство ЛАК к выстраиванию новых внешнеполитических стратегий, в которых значимое место занимал *концепт автономии* [Briceño Ruiz 2017]².

В настоящей работе проводится разграничение понятий «автономия» и «суверенитет». Последнее апеллирует, прежде всего, к господству конкретного политического образования над конкретной территорией, реализуясь в правовой плоскости [Agnew 2010]. Латиноамериканские авторы склоняются к пониманию суверенитета как репрезентации всего могущества государства, которая подчёркивает его превосходство над любой другой вариацией внутривластной власти. В этом определении заложена модальность недействительности любого врага государственной власти, которая и выступает гарантом суверенного государства.

Под автономией же следует понимать способность народа достичь независимости, самодостаточности, самоопределения, а также реализовывать самостоятельную внешнюю политику [Preciado 2010]. Именно это явление способствует формированию полноценно управляемых внутринациональных и межнациональных отношений, при этом позволяя эффективно контролировать их изнутри. В отличие от

¹ Эти наблюдения подтверждались, в частности, тем, что Организация американских государств (ОАГ), созданная в 1948 г. как политический форум для многостороннего диалога и интеграции Америки, во время «холодной войны» в большинстве конфликтных ситуаций неизменно поддерживала позицию, занятую Вашингтоном.

² Понятие «концепт» в этой работе рассматривается автором с точки зрения широкого теоретико-философского подхода. В этой связи «концепт автономии» – это идея, заключающая в себе конкретное смысловое наполнение на каждом отдельном этапе его развития, которое, в свою очередь, связано с понятием «интеграция».

суверенитета, автономия трактуется в терминах самостоятельности и следования правилам, являющимся принципиальными для конкретного общества.

В этой связи исследователи сходятся во мнении, что именно теория автономии стала базисом для становления всех современных латиноамериканских концепций международных отношений [Santana 2013; Simonoff 2019]. Ключевым фактором для достижения автономии традиционно выступала интеграция, под которой в широком смысле понимается особый процесс, состоящий из объединения частей в единое целое, которая также выступает дополнительным измерением автономии [Orantes 1981].

Изучению латиноамериканских теорий международных отношений (ТМО) посвящён ряд научных работ как зарубежных, так и российских специалистов. В них проблематика латиноамериканских ТМО рассматривалась либо в разрезе одного теоретического направления [Садченко 2021; Gordy 2020; Long 2021; Пятаков 2018], либо акцент был сделан на обзорном анализе ключевых латиноамериканских ТМО [Эльмурадов 2021; Thompson 2018]. При этом эволюция концепта автономии и роль интеграции с точки зрения степени их влияния на характер и содержание внешней политики стран ЛАК не освещались ранее в научных трудах. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел.

Автор анализирует ключевые латиноамериканские теоретические подходы к изучению международных отношений и внешней политики в период с середины XX столетия и до начала XXI века, рассматривая параллельно факторы, воздействовавшие на внутрирегиональные и внерегиональные направления внешней политики государств региона. В статье делается вывод, что процесс формирования концепта автономии в Латинской Америке включает в себя пять основных этапов. На каждом

из них понятие наполнялось несколько иным содержанием, но при этом неизменно сохраняло высокую корреляцию со стремлением к развитию интеграции.

1950–1970-е годы – реалистский подход к автономии и интеграции

Осознание необходимости расширения автономии в ЛАК укреплялось во второй половине XX века под влиянием эндогенных моделей экономического роста³. С конца 1940-х годов внешняя политика государств региона вынуждена была сосредоточиться на поиске ответа на очередной подъём североамериканской гегемонии, а также механизмов внутрорегионального диалога в рамках меняющегося идеологического ландшафта [Hofman 2000]. Система международных отношений, сформировавшаяся во второй половине XX века, предопределила ярко выраженную асимметрию во взаимодействии государств ЛАК с развитыми странами. Это обусловило то, что приоритетами внешней политики латиноамериканских стран стали три направления: расширение автономии, экономическое развитие, а также включённость в актуальные процессы в мировой экономике и политике на правах более заметных игроков.

Всё это предопределило становление *содержательного наполнения* концепта автономии. Она могла быть достигнута в ЛАК только за счёт структурных преобразований, преимущественно внутривнутриполитического характера, что коррелировало с преобладающей в ЛАК в этот отрезок времени моделью экономического роста эндогенного типа. Исходя из того, что выбор модели управления экономикой относится к внутренней политике органов государственной власти, страны региона склонялись к отказу от капитализма в пользу другой модели экономической системы производства и распределения с иной иерархией силы и власти.

³ В рамках эндогенных моделей экономического роста ВВП на душу населения зависит прежде всего от внутренних факторов, таких как запасы и производительность капитала, эффективность инноваций, качество управленческой системы и уровень образования.

В 1960–1970-х годах латиноамериканские страны синхронно придали концепту автономии опорную (центральная задача международной политики отдельного государства) и стимулирующую функции (способность направлять интересы всех субъектов внешней политики на достижение требуемых результатов) в своей внешней политике. На повышение значимости увеличения автономии в системе приоритетов внешней политики повлияли активизация процессов деколонизации, а также усиление внимания мировой общественности к важности мирного сосуществования государств. Заметную роль сыграла и Лусакская конференция (1970), в рамках которой государства Латинской Америки совместно со странами Азии, Африки и Европы подвергли острой критике политику империализма, подчеркнув важность борьбы за экономическую независимость, а также установление взаимовыгодного и равноправного сотрудничества между государствами [Bansart 2007].

После начала «холодной войны» внимание латиноамериканских теоретиков было приковано к объяснению функционирования мировой экономической системы и её влияния на политику ключевых игроков в регионе, исследуемых с позиций теории зависимости⁴ [Marini, 1973; Calduch 1981]. Теория автономии, в свою очередь, была традиционно связана с последней: периферийные страны способны добиться выхода из замкнутого круга отношений центр-периферия за счёт большей автономии от мировых центров. Вместе с тем в отличие от теории зависимости теория автономии была призвана покончить с процессом ухудшения условий торговли, порождая-

мым моделью асимметричных отношений центр-периферия, изменив саму структуру международных отношений [Lechini 2009].

Именно в контексте усиливающихся антигегемонистских настроений была опубликована знаковая работа Гильермо О’Доннелла «Модернизация и авторитаризм», ставшая классикой латиноамериканской политической мысли. Исследователь утверждал, что достижение автономии, уровни которой варьируются, возможно лишь путём радикального преобразования внутривластной иерархии господства-подчинения [O’Donnell 1972]. Обращаясь к опыту Аргентины 1960-х и 1970-х годов, в частности «аргентинской революции» (1966)⁵ и периоду «Органиато» (1966–1970), он рассматривал автономию сквозь призму системы властных отношений внутри государства в вопросах господства и подчинения, где большое значение придавалось «фактору силы» механизма государства и «фактору неравенства» социальных групп в разрезе одной нации. В предложенной логике государство с достаточной степенью автономии должно пытаться утвердиться в качестве проводника инклюзивного и стабильного капитализма. Эта стратегия позволит ему со временем предстать в глазах других субъектов мировой политики в качестве значимого партнёра, способного представлять свои решения как справедливые и независимые от внешних интересов. В этом контексте автор выдвигает концепт *специфической автономии*.

Специфическая автономия (autonomía específica) – это иное видение автономии, в котором особое внимание уделено попыткам частичного удовлетворения интересов са-

⁴ Теория зависимости, или теория зависимого развития, основывается на тезисе о том, что периферийные страны не способны побороть свою экономическую отсталость и политическую нестабильность из-за систематического давления, оказываемого на них развитыми государствами центра, а также оттока их ресурсов и капиталов в более богатые страны.

⁵ «Аргентинская революция» – общепринятое название военно-гражданской диктатуры, в результате государственного переворота 28 июня 1966 г. свергнувшей законно избранного президента Артуро Ильяна (1963–1966). В отличие от других успешных государственных переворотов, потрясших Аргентину в предыдущие годы (1930, 1943, 1955 и 1962 годы), «аргентинская революция» не позиционировала себя в качестве «временной силы». Она, наоборот, стремилась утвердиться в качестве новой диктаторской системы постоянного типа, впоследствии связанной с концепцией «авторитарно-бюрократического государства» (estado burocrático-autoritario).

мых низших социальных страт, что позволяет обеспечить сохранение внутринациональной иерархии господства-подчинения (понимаемой как гегемонистское господство правящих классов). Эти компоненты структуры социальной установки, рассматриваемые как новые аппаратные механизмы автономии, наделялись способностью повысить уровень самостоятельности государства на мировой арене [O'Donnell, 1982].

Начало 1970-х годов для ЛАК стало периодом зарождения надежд на самостоятельное возвышение региона. После столетий зависимых отношений латиноамериканские страны впервые увидели возможности для получения большей автономии, а также достижения устойчивого развития и обретения более заметной роли в мировой политике. Перед государствами ЛАК встала дилемма, касавшаяся выбора политического курса, способного приблизить их к этим целям: через революцию или же через реформы?

Символом *революционного пути* стала кубинская революция (1953–1959), а также деятельность вооружённых антиправительственных образований, таких как партизанская борьба Че Гевары в Боливии. Этапном *реформистского пути* стала «Революция в условиях свободы» (*Revolución en libertad*), которую Эдуардо Фрей (1964–1970) пытался осуществить в Чили в период с 1964 по 1969 посредством закона об аграрной реформе (1967), «чиленизации» меди (1965–1966)⁶, «согласованной национализации»⁷ (1969) и других социальных преобразований (1968)⁸.

Сама сущность *межамериканской системы*, характеризующейся, с одной стороны, противоречивыми, а с другой стороны, дополняющими друг друга взаимоотношениями «двух Америк» – развитых Соединённых Штатов и государств Латинской Америки, заметно уступающих северному соседу в части технико-экономических и финансовых показателей – стала катализатором интеграционных устремлений ЛАК во второй половине XX века [Сударев 2004]. В этом контексте ведущие латиноамериканские государства начали выстраивать собственные геополитические оси, пересекающие весь регион и даже в некоторых случаях перекрещивающиеся между собой. Вместе с тем некоторые страны (главным образом Бразилия и Аргентина) открыто соперничали друг с другом. Интервенционистская политика Вашингтона⁹ ещё больше усилила центробежные тенденции, в результате которых уже несбалансированная асимметричная система распалась на отдельные, малосвязанные между собой региональные коалиции [Глинкин 1999; Сударев 2000].

В итоге в ЛАК начали превалировать политикоэкономические взгляды, базирующиеся на идее «новой внешней политики», менее зависящей от интересов США как гегемонистской державы. Доминирующим стал реалистский подход, видными представителями которого выступили Элио Ягуарибе и Хуан Пуиг. В своих исследованиях они подчёркивали наступление момента для включения Латинской Америки в международную систему в качестве равноправно-

⁶ «Чиленизация» состояла в присвоении государством 51% акций всех медных компаний.

⁷ «Согласованная национализация» как кульминация процесса «чиленизации» заключалась в покупке большинства компаний горнодобывающей промышленности, за счёт чего был обеспечен полный контроль над ними со стороны государства Чили.

⁸ Здесь, прежде всего, речь идёт о программе «Народное продвижение» (закон № 16880 от 1968 года), которая изменила формы коллективной организации чилийского общества. Благодаря этой программе были созданы новые социальные организации, направленные на улучшение жизни маргинальных слоёв населения.

⁹ Иллюстрацией усиления интервенционистских настроений Вашингтона по отношению к ЛАК выступают проведение интенсивных военных учений 82-й воздушно-десантной дивизии Армии США, проводимые в 1950-х и 1960-х годах в Панаме; военное вторжение США в Доминиканскую Республику (1965), предпринятое для свержения пришедшего к власти в результате гражданской войны левого правительства; а также неоднократные секретные интервенции ЦРУ в латиноамериканские страны, произошедшие в конце 1960-х годов.

го участника, а также для устранения уязвимостей слабых государств. При этом оба автора, пусть каждый и по-своему, давали определение автономии и связывали её с интеграцией.

Согласно Э. Ягуарибе, доступ к автономии зависит от соблюдения двух условий: *национальной жизнеспособности государства и международной допустимости*. Первая «в конкретный исторический момент зависит от того, в какой степени страна имеет критический минимум человеческих и природных ресурсов, включая способность к международному обмену». Вторая относится к тому, «в какой степени, учитывая геополитическое положение страны и её международные отношения, она имеет условия для нейтрализации риска, исходящего от третьих стран, а также имеет достаточные ресурсы для оказания на третьи страны эффективного принуждения» [Jaguaribe 1979: 96–97].

Э. Ягуарибе ещё в конце 1960-х годов утверждал, что в Латинской Америке не было создано необходимых и достаточных условий для достижения автономии через революционный путь. В его работах отмечалось, что для региона наиболее перспективной является модель автономии через развитие. Фактически он приравнивал её к термину *автономное развитие (desarrollo autónomo)*, которое необходимо сочетать с региональной интеграцией [Jaguaribe 1969].

Таким образом, в рамках подхода Ягуарибе автономия — это способность принимать решения, отвечающие национальным интересам и направленные на преодоление объективных условий международной действительности, таких как могущество и влияние лидирующих держав и транснациональных компаний, формирующих *международную олигополию*. Важная роль отводилась стремлению элит в странах ЛАК свободно выбирать экономические и политические модели, которые они

считают наиболее подходящими, чтобы вести свои общества по пути всестороннего развития. В этой связи латиноамериканские правительства должны точно знать, каково их истинное положение, измеряемое с точки зрения индивидуальной национальной жизнеспособности, и каким полем для манёвров в мировой политике и экономике они располагают.

Интеграция рассматривается как необходимая поддержка процесса автономного развития и как инструмент, укрепляющий национальную жизнеспособность, за счёт усиления позиций латиноамериканских государств как по отношению к промышленно развитым странам, так и в рамках Западного полушария. Она добавляет последней региональное или коллективное измерения. Процесс интеграции должен быть постепенным и оставаться открытым для включения всех латиноамериканских стран, если они обладают национальной жизнеспособностью и продвигаются в сторону автономного развития.

В своих работах Х. Пуиг предложил переосмыслить концепт автономии также через призму реалистского подхода, в рамках которого мир воспринимается как площадка для конфликтующих интересов между сильными и слабыми государствами [Puig 1986]. Межгосударственное взаимодействие развивается по правилам *игры с нулевой суммой*, ведущейся между доминирующими и подчинёнными. В результате выигрыш одного неизбежно становится проигрышем другого:

«стратегический манёвр, который этот — бывший комитент¹⁰ — должен привести в движение, будет успешным только в той мере, в какой политический диагноз, относящийся к противнику — доминирующей силе — верен и, как следствие, мобилизует ресурсы власти, достаточные для подавления воли оппонента» [Puig 1984: 44].

Устранение жёсткой иерархической структуры, характеризующейся неравно-

¹⁰ Для описания отношений центр—периферия исследователь оперирует терминами «комиссионер» — как сторона, которая берёт на себя определённые обязательства перед другой стороной — «комитентом».

правными отношениями, возможно лишь через смену политики периферийных стран, проводимой их элитами. Государства же априори наделены способностью самостоятельно выйти на путь автономии. Этот переход возможен только тогда, когда периферийные элиты окажутся готовы принимать решения, которые приводят к достижению национальных целей. Важным подспорьем выступает устойчивость экономической системы, рассматриваемая как *жизнеспособность государства*, что коррелирует с подходом Э. Ягуарибе.

В ходе исследования миропорядка, автономии и возможностей изменения положения периферийных стран в международных процессах Х. Пуиг выделил четыре модели внешней политики: *параколониальная зависимость, национальная зависимость, неортодоксальная автономия и сепаратистская автономия* [Puig 1984]. *Параколониальная зависимость* поддерживается в тех случаях, когда государство формально обладает суверенитетом и не является колонией, но в действительности группы, имеющие реальную власть, представляют собой придаток государственного аппарата другой страны. *Национальная зависимость* присуща тем странам, в которых группы, обладающие реальной властью, рационализируют зависимость. Следовательно, они ставят свои собственные цели, которые способны привести к формированию национального проекта, а также готовы распространить его на весь мир. Именно наличие национального проекта отличает эту внешнеполитическую модель от параколониальной зависимости. *Неортодоксальная автономия* характеризуется волатильными отношениями между центром и периферией. Внутренняя модель развития последней может не совпадать с ожиданиями центра. Периферийная страна способна принимать участие в международных отношениях, если они не носят глобального стратегического характера, что в первую очередь предполагало неучастие в различных военно-политических союзах и коалициях. Более того, национальные интересы доминирующей державы являются

отправной точкой для выстраивания отношений центр-периферия. В то же время подчёркивается, что не всякая политика, навязываемая лидирующей державой, обязательно должна быть вредной для подчинённой страны. *Сепаратистская автономия* же означает глобальный вызов: периферийная страна перерезает «пуповину», соединявшую её с метрополией. Руководство периферийного государства решает больше не принимать во внимание интересы доминирующей державы. Сам Пуиг подчёркивал, что подобный подход к внешней политике – очень рискованный, поскольку истощает национальные ресурсы, и утопический, поскольку способен привести к результату, противоположному ожиданиям.

Пуиг воспринимает автономию как процесс развития национальных интересов, непосредственно связанный с рациональным использованием имеющегося поля для манёвров. Подобный подход может привести к построению полноценного *национального государства*. При этом интеграция может иметь неоднозначные последствия – то есть оценка её значения зависит от цели конкретного государства.

Для Пуига интеграция носит инструментальный характер, её значение зависит от цели конкретного государства, а также имеет три основные характеристики: (1) это социальное явление; (2) в нём участвуют не только государства, но и любая социальная группа, как микроуровня (такие как организации, союзы и компании), так и макроуровня (например, международное сообщество); (3) главная цель интеграции состоит в том, чтобы «гарантировать, что эти “социальные группы” отказывались от индивидуальных действий в определенных вопросах в пользу совместных с чувством коллективной причастности» [Puig 1986: 41]. Исследователь убеждён, что интеграция должна быть продуктом обществ, стремящихся к ней. В этом аспекте он предвосхитил многие работы 1990-х годов, когда учёные приступили к анализу гражданского общества как субъекта глобальной политики [Сох 1999].

Таким образом, в 1950-х – 1970-х годах латиноамериканские авторы рассматривали автономию, понимаемую как автономное развитие, и интеграцию, как главные задачи для внешней политики стран ЛАК – региона, стремившегося найти собственный путь в мировой политике. Это привело к тому, что латиноамериканские страны начали увязывать разную степень автономии государств перед лицом гегемонизма в мировой политике и диспропорции мировой экономики с изменениями в соотношении сил в мировой политике и экономике. При этом подчёркивалось, что периферийные латиноамериканские страны должны стремиться к переходу от государства-нации к государству-региону, что стало центральной идеей в построении интеграционной инициативы, основанной на идее солидарности и потому выходящей за рамки продвигающих его элит.

Автономия и интеграция в 1980-х годах: развитие, идущее изнутри

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), взявшая на себя роль лидера в формировании концепций развития региона, в середине XX века активно продвигала модель «развития, идущего вовнутрь», разработанную ещё в 1950–1960-х годах и ориентированную на внутренний рынок¹¹. «Потерянное десятилетие» 1980-х вошло в историю ЛАК под знаками острого долгового кризиса, стагнации интеграционных процессов, авторитарных настроений и институциональной слабости государств. Эти процессы стали причиной разочарования в модели «развития, идущего вовнутрь» и привели к поиску нового концептуального подхода, способного предоставить решения насущных проблем региона. Именно в этом контексте в ЛАК приобретает всё большую популярность *практический подход* к формированию политики периферийных стран, базирующийся на

стремлении извлекать из всего непосредственную материальную выгоду и ориентированный прежде всего на удовлетворение текущих нужд и потребностей [Tomassini 1989].

Имя аргентинского исследователя Рауля Пребиша напрямую связано с латиноамериканской экономической мыслью, а также идеями об объединении усилий стран ЛАК. В своих работах он подчёркивал, что центры никогда не интересовали социальные эффекты развития периферий. Отмечалось, что политика сильных не направлена на то, чтобы слабые перестали быть таковыми. Р. Пребиш акцентировал, что трансформация никогда не придёт извне ни как идея, ни как конкретные события. По его мнению, страны Латинской Америки своими коллективными действиями способны привести к положительным изменениям в сторону улучшения положения развивающихся стран в социально-экономических аспектах.

Его работы затрагивали четыре направления: анализ и изучение экономической реальности государств Латинской Америки; создание системы институтов, способных помочь разрешить главные проблемы региона и не допустить их усугубления, что впоследствии вылилось в самостоятельную *концепцию латиноамериканского структурализма*; подготовка конкретных предложений экономической политики и внутренних реформ; создание теоретической базы к концепции развития периферийных стран. Последнее, как самое главное направление исследований Пребиша, привело к созданию *теории периферийного капитализма* [Prebish 1981]. Согласно этому подходу, центростремительный характер развитого капитализма является первопричиной задержки развития, экономической и технологической неполноценности, а также раздробленности периферии. Сильные центры иницируют технический прогресс, при этом забирая себе все плоды

¹¹ CEPAL (1951): Estudio económico de América Latina, Nueva York, Naciones Unidas. Publicación de las Naciones Unidas, N° de venta: 195 1.11.G. 1; CEPAL (1966). Estudio económico de América Latina. (documento E/CN. 12/752/Rev. I). Nueva York: ONU.

растущей производительности. В итоге развитие периферии происходит только в меру индивидуалистических интересов более сильных держав.

Центральное место в теории Пребиша занял тезис: периферийное развитие является составной частью мировой системы капитализма, но при этом оно формируется и осуществляется в условиях, весьма отличных от тех, в которых существуют центры. Допускается, что периферийный капитализм вдохновляется центрами и имеет тенденцию развиваться по их образу и подобию. Запоздалое и строго контролируемое гегемонами развитие периферий подражательного образца усугубляется асимметричным характером внешнеэкономических отношений. Оно представляет собой корень конфликтов и противоречий периферийного капитализма, что приводит к неравномерной и скачкообразной динамике экономического роста слабых государств.

Для выхода из этого зависимого положения периферийным странам необходимо при помощи коллективного мышления выработать модель «динамического перераспределения, сопровождающегося другими формами социального улучшения в ответ на насущные потребности» [Prebish 1981: 48]. При этом достижение автономии непосредственно связывается с высоким уровнем демократии, без чего автономия не может быть достигнута. Краеугольным камнем развития, а также средством повышения автономии Пребиш считал индустриализацию. По его мнению, она характеризуется *промышленной интеграцией*, понимаемой как объединение широкого круга отраслей и увеличение оборотов взаимной торговли.

Виднейшим представителем течения, активно критикующего подходы ЭКЛАК и выявившего пределы автономного национального проекта развития, стал бразильский исследователь Фернанду Кардозу [Cardoso 1977]. В своих работах он поставил под сомнение подход, согласно которому капиталистическое развитие периферии невозможно, а её недоразвитость есть

неизбежный результат развития центра, благодаря чему периферия априори обречена на недоразвитие. Исследователь выдвинул собственный вариант *теории зависимости* как аналитический конструкт для объяснения капиталистической экспансии в странах «третьего мира». В рамках этого теоретического обоснования экспансия капитализма в периферийных странах неравномерна, но вполне достижима. Теория зависимости Кардозу стремилась продемонстрировать широкий диапазон международных экономических процессов и их включённость в социальную структуру латиноамериканских стран с точки зрения существующих систем союзов между правящими элитами: исследователь считал господствующими социальными группами в Латинской Америке те, которые устанавливали союзы с внешним миром и которые благодаря этому сотрудничеству смогли эффективно приспособиться к экономическим изменениям. Согласно этому подходу, преодоление барьеров на пути развития государств, прежде всего, зависит от расстановки основных политических сил, а также их интересов и международных амбиций, нежели от сугубо экономических условий [Cardoso 1973].

Одним из ключевых аргументов исследователя, использованных для построения своей версии теории зависимости, был веберовский тезис о том, какой класс должен возглавить социальные изменения. Кардозу придавал большое значение циркуляции элит, их качеству и особенностям. По его мнению, главными врагами развития периферий выступают корпоративизм и консервативная бюрократическая буржуазия. Они среди прочего существенно ограничивают способность страны к участию в международных переговорах в рамках нового уровня зависимости, порождённого техническим прогрессом и новой системой международного разделения труда. Последняя обозначилась в 1970-х годах, став результатом глобального распределения промышленного производства.

Последствия «потерянного десятилетия» стали очевидны к середине 1980-х годов,

когда ЛАК захлестнул тяжелейший социально-экономический кризис. Реальные темпы роста в регионе составляли менее 2,3%, а уровень бедности увеличился на 20% по отношению к концу предыдущего десятилетия. Всё это проходило на фоне бегства капитала и девальвации валюты¹². Необходимость преодоления экономических и социальных последствий кризиса, а также отсталости региона в целом привела к формированию нового теоретического подхода. Он охватывал макро- и микроэкономический уровни и был нацелен на достижение быстрых результатов в краткосрочной перспективе.

Середина 1980-х годов прошла под знаком исследований чилийских авторов Фернандо Файнзильбера и Освальдо Сункеля. Их работы ознаменовали региональный пересмотр структуралистской парадигмы и получили название *латиноамериканского неструктурализма*. Этот подход подчёркивал несостоятельность постулатов классического структурализма для ЛАК, отражая попытки преодоления дифференциации регионального развития.

Работы Ф. Файнзильбера, опубликованные в 1980-х, внесли наибольший вклад в теоретическое понимание развития ЛАК с точки зрения неструктурализма. Исследователь анализировал традиционные проблемы Латинской Америки с критического ракурса ограничений, с которыми сталкивался процесс индустриализации в этой части света по сравнению с другими регионами мира. Он делал вывод, что модель латиноамериканской индустриализации так и не смогла совместить достижение двух ключевых задач развития: обеспечение экономического роста и перераспределение доходов.

Насущные проблемы региона рассматривались как «пустой ящик» (исп. *casillero vacío*), возникший из-за отсутствия устойчивого роста и несправедливого, неравномерного распределения национальных доходов. Решение проблем Файнзильбер видел в новой стратегии индустриализа-

ции, в центре которой находились бы ускоренный научно-технический прогресс, ряд реформ (прежде всего в системе образования), обеспечение социальной стабильности за счёт активной перераспределительной политики и расширение международного участия [Fajnzylber 1988]. В основе его подхода лежал процесс интеграции стран ЛАК в глобальную экономику, а также укрепление ресурсного потенциала ядра развития научно-технического прогресса и его ускорение – главные условия для конкурентоспособного и устойчивого выхода на мировые рынки.

Исследование Освальдо Сункеля с говорящим названием «Развитие, идущее изнутри» предложило всесторонний анализ стратегий развития латиноамериканских стран, охватывая три пересекающихся аспекта: ресурсы и производственные секторы, международный контекст и роль государства [Sunkel 1991]. Соглашаясь с выводами Файнзильбера, Сункель отмечал, что Латинской Америке необходимо перейти от стратегии развития, которой следовал регион в период 1945–1973 годов «развитие, идущее вовнутрь», к новой стратегии – «развитие, идущее изнутри». Исследователь критиковал ту модель псевдосовременных обществ, которую имплементировало большинство стран Латинской Америки в 1945–1973 годах, когда проблема экономического развития была ключевой темой для обсуждения в этом регионе, активно отказывающегося от традиционного преобладания сельского населения в пользу увеличения городского. В этой связи Сункель отмечал, что в 1970-х – 1980-х годах в регионе продолжил развиваться процесс импортозамещающей индустриализации, начавшийся ещё в 1930-х и активизировавшийся во время Второй мировой войны, который страны региона пытались сочетать с ориентацией на экспортное развитие. В итоге к 1980-м годам созревшая потребность в достижении устойчивого развития во многих случаях трансформировалась в необходимость структур-

¹² CEPAL. Panorama Económico de América Latina. Santiago, 1985.

ных преобразований, нацеленных на то, чтобы оставить позади десятилетия отсталости и зависимости. Важность увеличения автономии в политике акцентировалась новыми формами североамериканской интервенции во внутренние дела стран Латинской Америки: во время морских конфликтов между США и Эквадором (1961–1963, 1966–1974), США и Перу (1960-х), а также и во время вторжения в Панаму армии США в 1989 г.

В своих работах Сункель развивал идеи, разработанные Пребишом, в частности по анализу импортозамещающей индустриализации, которая рассматривалась как фактор, способный дать импульс развитию, идущему изнутри. В этой связи Пребиш акцентировал важность увеличения спроса, расширения внутреннего рынка и замещения импорта товарами местного производства [Prebisch 1970]. Сункель же утверждал, что для стратегии «развития, идущего изнутри» критически важным является не спрос, а предложение. Оно формируется посредством ряда факторов: накопления капитала и повышения качества продукции; стимулирования научно-технического прогресса и социальной дисциплины; умеренности и расчётливости в потреблении; динамичной интеграции в глобальную экономику.

Интеграция рассматривалась в терминах глобальной взаимозависимой и взаимосвязанной экономики, в которой задействованы сегменты рынка всех стран: интеграция международных финансовых рынков стала задавать возможности, связи и ограничения экономической политики каждой отдельной страны. При этом действует принцип сообщающихся сосудов: интеграционные процессы одних стран ведут к дезинтеграции других [Sunkel 1987].

Таким образом, дополняя рассуждения Файнзильбера, Сункель подчёркивал важность формирования «эндогенного ядра технологического возрождения», способного подтолкнуть страны ЛАК к созданию

эффективной структуры национальной экономики. Последняя должна помочь им успешно интегрироваться в систему мирового хозяйства. В отличие от концепций ЭКЛАК, международный контекст рассматривался не как непреодолимый фактор, а как сложный фактор, влияющий на траектории развития периферий. Этот подход отражал новую тенденцию политической мысли в Латинской Америке.

Теоретические идеи, сформулированные в регионе в 1980-х годах, впервые начали характеризоваться утратой радикальных настроений и большей степенью прагматизма в предложении структурных реформ по сравнению с предыдущими десятилетиями. Политическая и экономическая силы конкретной страны и региона переплетаются и оцениваются исходя из их конкурентоспособности в рыночной среде. Уровень автономии определяется исходя из издержек процесса оспаривания гегемонистского порядка.

1990-е годы: примат относительности

Окончание «холодной войны» привело к формированию новой системы международных отношений, в которой гетерономия определяла положение, пространство для манёвров и политику второстепенных игроков мировой системы. Периферийные государства стали более прагматично подходить к достижению большей автономии, стремясь максимально эффективно использовать ограниченные и, как правило, временно полученные возможности. К началу 1990-х годов ЛАК уже восстанавливалась после кризиса «потерянного десятилетия», существенно изменившего экономический ландшафт региона.

Те страны, которые ранее имели огромный вес в региональной подсистеме, такие как Аргентина, Мексика и Венесуэла, всё ещё не до конца преодолели негативные последствия кризиса. На первый план вышли прежде отстававшие страны, например Чили, Перу, Колумбия и Бразилия¹³.

¹³ CEPAL. (1990). Panorama económico de América Latina 1990 = Economic panorama of Latin America 1990. LC/G.1638. NU. CEPAL. División de Desarrollo Económico.

Они отличались быстрым экономическим ростом, а также ощутимым повышением благосостояния и качества жизни своих граждан.

В этом контексте аргентинский исследователь Карлос Эскуде предложил теорию *периферийного реализма*. В рамках этого подхода отмечалось, что внешняя политика периферийных стран обычно выстраивается и реализуется таким образом, что национальные интересы определяются в терминах развития. Более того, необходимо любой ценой избежать конфронтации с великими державами. Автономия же понимается с точки зрения «возможных негативных последствий от использования почти неограниченной «свободы маневра» в сфере внутренней и внешней политики [Escudé 1992: 8].

Внешняя политика, базирующаяся на периферийном реализме, должна свести на нет все формы внешних столкновений. При этом разногласия могут возникать лишь по поводу материальных вопросов, которые напрямую связаны с благосостоянием и властным фундаментом периферийной страны. Таким образом, внешнеполитическую стратегию стоит выстраивать в *утилитарном ключе*. Она должна опираться на учёт пределов материальных затрат и выгод. Практическим применением этого подхода во внешней политике стала стратегия Буэнос-Айреса, приведшая к формированию особых отношений Аргентины с США при администрации Карлоса Менема (1989–1999).

Сторонники этого утилитарного подхода к автономии, которые в своём большинстве представляли страны Южного конуса¹⁴, обращали внимание на тот факт, что государствам необходимо перестать подвергаться давлению со стороны великих держав. Этого возможно добиться путём выработки прагматичных позиций, позволяющих слабым периферийным странам продвигаться в формировании собственных ценностей. Страновые риски можно

снизить с помощью расчётливых и уравновешенных действий, а также терпеливого ведения диалога с более сильными государствами.

В 1990-х годах автономия также рассматривалась с позиций транснационализма, вошедшего в широкий научный оборот. Транснационалистский подход подчёркивал важность увеличения взаимозависимости стран и сокращения автономии лидирующих держав в части использования ими силовых ресурсов [Portes, Guarnizo, Landolt 1999]. Именно в контексте повышения значимости взаимосвязанности между национальными государствами при уменьшении экономического и социального значения официально установленных границ и происходил подъём латиноамериканской интеграции, обусловленный основанием Общего рынка стран Южной Америки (*Mercosur*), а также активизацией субрегионального сотрудничества в рамках Андского сообщества наций (CAN).

Основные предпосылки создания *Mercosur* были сформированы ещё в предыдущем десятилетии. Провал инициативы Латиноамериканской ассоциации свободной торговли, которую сменила в 1980 г. Латиноамериканская ассоциация интеграции, а также создание других региональных объединений заложили основу для формулирования новых подходов к интеграции Латинской Америки. Радикальные трансформации, произошедшие в глобальной политике (в первую очередь отход от конфронтации «холодной войны»), постепенно привели к тому, что негативное отношение к коммунизму в Латинской Америке ослабло. Это изменение, в свою очередь, способствовало замене военных правительств в двух крупнейших странах региона – Аргентине и Бразилии – новыми, демократическими режимами.

Внутриполитические изменения способствовали преодолению напряжённости в двусторонних отношениях и развитию межгосударственного сотрудничества. В но-

¹⁴ В состав Южного конуса входят Чили, Аргентина, Уругвай, а также Парагвай и южные штаты Бразилии.

вых региональных и международных условиях в 1985 г. Аргентина и Бразилия подписали Декларацию Фос-де-Игуасу (также называемую Актом Фос-де-Игуасу)¹⁵. Их интеграционные договорённости заложили основы того, что шесть лет спустя станет *Mercosur*. Главными задачами Декларации стали ликвидация всех форм экономического, политического и военного соперничества между двумя странами; постепенное и сбалансированное открытие двусторонней торговли; активизация промышленного и технологического развития. Благодаря этому документу были намечены очертания будущего проекта общего рынка, характеризующегося более тесным сотрудничеством и постепенно охватившего все страны Южного конуса. С него начался новый этап латиноамериканской интеграции, отличительной чертой которого можно назвать *слияние политического и экономического аспектов*, играющих взаимодополняющие роли в развитии интеграционных процессов.

В то же время последнее десятилетие XX века в странах ЛАК было отмечено медленными темпами роста экономик, полной дискредитацией моделей развития, продвижаемых ЭКЛАК, и демократическим транзитом, начавшимся ещё в предыдущем десятилетии. На этом фоне рецепты «вашингтонского консенсуса»¹⁶ сумели так пленить новую политическую элиту региона, что привело к возникновению *неолиберальной конвергенции*, выразившейся в реформах, направленных на разгосударствление и открытие экономик [Delgado 2011]. В итоге 1990-е годы в ЛАК проходили под знамёнами «вашингтонского консенсуса», неолиберализма, представительной демократии и привлечения внимания к правам человека [Aranda 2011].

Активное включение региона в транснационализированную неолиберальную

экономику, что стало одним их следствий выполнения рекомендаций, закреплённых в «вашингтонском консенсусе», позволяло государствам, которые сами не являлись гегемонами, постепенно приобретать зарождающуюся и пока что ограниченную автономию в мировой политике. Важным подспорьем для ряда латиноамериканских стран, в первую очередь для Бразилии, Венесуэлы, Эквадора, Чили, Аргентины, Мексики и Перу, стали увеличивающееся субрегиональное влияние, принятие внешнеполитических стратегий, основанных на открытом регионализме, а также наличие минеральных ресурсов, пользующихся устойчивым спросом со стороны крупнейших экономик мира.

На рубеже тысячелетий наибольшую популярность получила концепция *относительной автономии*, авторами которой стали аргентинцы Хуан Токатлян и Роберто Рассел. Этот подход обосновывал актуальность внешнеполитической стратегии, которая отказывается от идеи автономии Эскуде как конфронтации или изоляции в пользу обеспечения более регулярного и систематического взаимодействия между латиноамериканскими государствами. Смена подхода по отношению к концепту автономии была осуществлена с целью внесения регионального вклада в формирование международной системы на основе принципов открытого регионализма, демократизации, гарантии прав и свобод человека. Автономия рассматривалась уже не как инструмент достижения конкретных материальных благ и выгоды, а как:

«способность и умения отдельной страны действовать независимо в мировой политике, а также развивать внешние связи с другими государствами вдумчиво, относиться ответственно и добросовестно к взятым на себя обязательствам (...) Внешнеполитическая практика, международные организации и те-

¹⁵ Declaración de Iguazú, 1985. <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/noticias/declaracion-de-iguazu-1985>

¹⁶ «Вашингтонский консенсус» представляет собой ряд мер экономического характера, которые были направлены на усиление роли рыночных сил и снижение роли государственного сектора. Данные меры были рекомендованы в 1989 г. руководством МВФ и Всемирным банком к применению в странах ЛАК.

оретические подходы создаются и развиваются в рамках отношений, в которых “другой” вместо того, чтобы быть противоположностью, начинает быть неотъемлемой частью общей и единой системы» [Tokatlian 2002: 179].

Внешняя политика, базирующаяся на относительной автономии, направлена на расширение межгосударственного взаимодействия и активное участие в разработке международных норм и правил, особенно в области конститутивных элементов международного права. Имеются в виду те нормы права, которые определяют основные принципы и которыми должны руководствоваться любые международные действия. Таким образом, автономия определяется уже не способностью страны контролировать внешние процессы и события, а возможностью оказывать влияние на мировые события, международные организации и механизмы сотрудничества.

В случае стран ЛАК важная роль отводилась построению *коллективной латиноамериканской идентичности* вокруг согласованной вовлечённости стран региона в формирующуюся систему международных отношений. К этому следует добавить активизацию региональных интеграционных процессов, которые традиционно протекают в регионе крайне разрозненно:

«Латинская Америка должна рассматривать интеграцию как региональную стратегию, которую можно использовать в качестве политического инструмента для укрепления своих позиций на переговорах с другими внешними игроками» [Tokatlian 2002: 182].

Популярность этого подхода в Латинской Америке быстро дала результаты. Уже в конце 1990-х годов заметно усилились обсуждения и консультации как на внутрирегиональном, так и на внерегиональном уровнях. Де-факто они представляли собой практическую реализацию латиноамериканской внешней политики, базирующейся на концепте относительной автономии.

Для Латиноамериканского региона последнее десятилетие XX века прошло под эгидой концепта относительной автономии, определяемой в терминах возрастающей взаимозависимости государств, которая приводит к необходимости распределения издержек глобализации между всеми элементами мозаики современной мир-системы. Результатом становилось понижение автономий всех участников системы международных отношений. Данное изменение структуры мировой системы способствовало повышению значимости международных институтов в достижении государствами как устойчивого развития, так и стабильного сотрудничества в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В этой связи относительная автономия характеризовалась, с одной стороны, активным участием латиноамериканских стран в международных организациях, а с другой — ограничением односторонней политики, выгодной только индивидуалистическим интересам отдельной страны.

Начало XXI века: столкновение двух направленностей

В начале 2000-х годов страны ЛАК захлестнула мощная волна перемен, подготовившая благодатную почву для идеологем экономической самодостаточности и политического своеобразия региона. Происходящим изменениям поспособствовали сразу несколько факторов. В первую очередь, результаты «потерянного десятилетия» для Латинской Америки, охватившего период 1999–2003 годов¹⁷, привели к разочарованию неоллиберальной моделью, продвигаемой Соединёнными Штатами [Neoliberalismo 2015]. Важным фактором стало и то обстоятельство, что после 2001 г. США начали терять союзников в Латинской Америке в связи с инициированием «глобальной войны против терроризма». Она сопровождалась такими неприемлемыми для государств региона действиями, как

¹⁷ Период 1999–2003 годов ознаменовался нулевым приростом ВВП на душу населения в разрезе всего региона ЛАК.

вторжение на территории других стран и нарушение их суверенитета.

Как только в странах ЛАК был достигнут консенсус в отношении углубления региональной интеграции в XXI веке, общей задачей стран региона стало создание институционализованных политических механизмов. Они понимались как общие принципы и ценности, направляющие поведение латиноамериканского сообщества в рамках различных интеграционных площадок, особенно в рамках *Mercosur* и *CAN*. Выполнение этой задачи позволяло определить предел автономии в этом регионе по отношению к инициативе создания Американской зоны свободной торговли (ALCA). Последняя продвигалась Вашингтоном и быстро стала синонимом «ограничительных рамок» для действий государств Латинской Америки в их внутренней и внешней политике [Neoliberalismo 2015: 59].

Провал инициативы ALCA в 2005 г. привёл к корректировке Соединёнными Штатами подхода к взаимодействию со странами региона в пользу двустороннего торгового сотрудничества. В короткие сроки США подписали серию соглашений о свободной торговле с Чили (2003), Перу (2006) и Колумбией (2006). Последствием этой точечной политики стало разрушение ядра латиноамериканской интеграции и размывание видения автономии как ориентира внешней политики стран Латинской Америки. Внимание ЛАК оказалось прикованным к концепту автономии, базирующемуся на интеграции вокруг общих ценностей, проявлением которой было формирование постоянно действующих региональных блоков.

Таким образом, в 2000-х годах в регионе конкурировали две тенденции. Первая сводилась к сохранению неолиберальных вариантов международной интеграции, как это было в случае Чили, Перу и Колумбии. Вторая относилась к многомерной форме интеграции, характеризующейся сильными социальной, геополитической и антиимпериалистической ориентациями. В этом плане показательны примеры Венесуэлы, Боливии и Эквадора. Отдельные страны

находились на пересечении этих тенденций. В частности, Бразилия активно содействовала возникновению сильных альтернатив ALCA сначала посредством формирования Южноамериканского сообщества наций, а затем Союза южноамериканских наций (UNASUR). Появление этих инициатив было связано с нацеленностью Бразилии стать региональным лидером ЛАК, что достигалось за счет усиления бразильского влияния в сфере региональной торговли, как результат увеличения объемов ее экспорта и инвестиций. Подобная маневренная стратегия также помогала Бразилии повысить ее рейтинги в мировой политике, как нового заметного игрока, поддерживать свой статус конкурентоспособного промышленного центра, присвоенный ей ещё в 1960-х годах, а также увеличивать присутствие бразильских корпораций в рамках всей Латинской Америки.

Хотя инициативы Бразилии имели более скромный географический охват, нежели проект ALCA, продвигаемый Вашингтоном, они решали схожие задачи. Речь идёт о торговле и партнёрстве, которые выступают ключами к достижению статуса лидера в регионе. Данная стратегия охватывала все латиноамериканские страны вне зависимости от их политической идеологии, но приоритет отдавался южноамериканским государствам. В этой связи бразильские исследователи Тулло Виджевани и Габриэль Чепалуни представили собственную классификацию подтипов автономии периферийного государства, способную объяснить эволюцию внешней политики Бразилии в начале XXI века.

Автономия на расстоянии – страна противостоит великим державам, стремясь к изоляции и самодостаточному развитию. *Автономия участия* – внешняя политика основана на приверженности глобальному управлению и многосторонним институтам. *Автономия через диверсификацию* – внешняя политика ориентирована на развитие отношений с глобальным Югом [Vigevani, Cepaluni 2007]. При этом авторы подчёркивают, что именно концепт автономии через диверсификацию в большей

степени применим для объяснения основных изменений, произошедших во внешней политике Бразилии в период с 1980-х до середины 2000-х годов, по сравнению с концептами автономии на расстоянии и автономии участия.

Тенденцию в сторону многомерной формы интеграции, охватывающей не только экономику и торговлю, но и широкий спектр других аспектов сотрудничества¹⁸, задавала Венесуэла. В этой стране государство и общество стали коренным образом меняться в 1999 г. с приходом к власти Уго Чавеса. Новая стратегия Каракаса базировалась на стремлении уменьшить влияние США. Причём, начав на своей территории, венесуэльское правительство рассчитывало затем распространить этот процесс и на остальную Латинскую Америку. Ключевую роль оно отводило поиску новых форм экономической интеграции ЛАК – важному шагу к построению многополярного мира.

С 2001 г. началось активное обсуждение создания Боливарианского альянса для народов нашей Америки (ALBA), проходившее на фоне постнеолиберальных процессов, которые набирали силу в регионе. ALBA пропагандировал ценности, методы и форматы региональных организаций, заложившие основы нового механизма межгосударственного взаимодействия с более широким региональным охватом. В этот процесс включалась не только Южная Америка, но и страны Центральной Америки и Карибского бассейна.

Это интеграционное объединение было ориентировано на углубление сотрудничества между странами-участницами, особенно в финансовой, энергетической и телекоммуникационной сферах. Его главная задача заключалась в повышении уровня социальной справедливости с сохранением традиционной экономической и политической автономии. Постепенно государ-

ства, образующие ALBA, начали всё более открыто расходиться с США по ряду вопросов. Например, возникли разногласия касательно внутренней модели развития; охвата международных связей; необходимости разграничения интересов Вашингтона и стратегических интересов стран региона.

Обновлённая внешняя политика, а также новые варианты «альтернативного развития» в разных сферах (экономика, экология, коренные народы), принятые отдельными странами, дали понять, что государства ЛАК начали осуждать категорическое навязывание им решений, отвечающих интересам Вашингтона. Именно в этом контексте происходило переформатирование внешней политики Латинской Америки. За основу был взят концепт *сепаратистской автономии*. Наиболее явно последняя проявлялась в политике, проводимой Венесуэлой и Боливией, которые напрямую противостояли США в таких вопросах, как безопасность, военное сотрудничество, экономика и торговля.

Важное место в новых внешнеполитических стратегиях уделялось интеграции. На первый план выступила идея создания централизованной республики, выдвинутая ещё Симоном Боливаром. Она получила название «Нация Республик» (исп. *Nación de Repúblicas*) [Carta 1815]. В рамках этого подхода именно латиноамериканская глубокая интеграция, а также активная диверсификация международных отношений определяли процветающее будущее ЛАК. Вместе с тем предполагалось развивать так называемую *солидарную интеграцию*.

Под солидарной интеграцией понимается инструмент обеспечения устойчивости социально-экономического развития региона Латинской Америки¹⁹. В основе этого концепта находится идея создания плацдарма кооперативной, социальной и солидарной

¹⁸ Например, экологию, здравоохранение, энергетику, продовольствие, спорт и др.

¹⁹ BID. Integración solidaria para la competitividad global: Hacia el fortalecimiento de la asociación Unión Europea-América Latina y Caribe (UE-ALC). Mar 2006. <https://publications.iadb.org/es/publicacion/16489/integracion-solidaria-para-la-competitividad-global-hacia-el-fortalecimiento-de>

экономики, призванной заменить собой систему отношений, которая строится исходя из того, что страновое, региональное, субрегиональное и континентальное пространство выполняет функции рынка, переданного в руки транснациональных корпораций и частных инвесторов. В этом плане особенно важное значение придаётся сохранению национального своеобразия.

Основополагающую роль в разработке данного подхода сыграли Латиноамериканские и карибские встречи по солидарной экономике и справедливой торговле (исп. *Encuentro Latinoamericano y Caribe de Economía Solidaria y Comercio Justo*). С 2005 г. их проводила Межконтинентальная сеть по продвижению экономики социальной солидарности Латинской Америки и Карибского бассейна (исп. *Red Intercontinental de Promoción de la Economía Social Solidaria – Latinoamérica y Caribe, RIPESS LAC*)²⁰.

Таким образом, солидарная интеграция должна была вытеснить интеграцию, центральным объединяющим фактором которой были экономико-торговые отношения. Для её стимулирования в ЛАК были сформированы «Южное энергетическое кольцо» (2005)²¹ и «Банк Юга», которые совместно продвигали формат независимых энергетической и финансовой повесток региона.

Таким образом, в 2000-х годах в Латинской Америке начал активно развиваться *альтернативный национальный постнеолиберализм*, который опирался на автономную интеграцию. Она была выстроена благодаря активизации процессов по восстановлению народного, национального, энергетического и территориального суверенитета. Этот подход отличался также многоаспектным охватом и отказом стран ЛАК от модели отношений с США, характерной для конца XX века [Сесеña 2008].

В результате сформировалось новое *постнеолиберальное направление*, вобравшее в себя латиноамериканские страны, во внешней политике которых всё более явно проявлялась тенденция к *автономии сепаратистского типа*. Она подчёркивала необходимость быстрых изменений в регионе, способных обеспечить более высокий уровень независимости по отношению к центрам мирового экономического и политического влияния. Появился общественный запрос на новую социальную модель развития, отвечающую требованиям справедливого общества, с большим участием граждан, а также отстранением от власти традиционных политических элит. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Никарагуа и на Кубе. Происходящие в 2000-х годах в этих странах трансформации проходили под девизом *Социализма XXI века*:

«главная задача Социализма XXI века состояла в том, чтобы «построить новую культуру и новый тип общества, характеризующиеся упразднением всех форм угнетения и эксплуатации, приматом солидарности (...)» [Вогон 2009: 103].

Происходящие в странах ЛАК сложные трансформации отражали попытки создать в регионе новую систему отношений, с одной стороны, самостоятельную и независимую от внешних сил, с другой стороны, не противостоящую существующим институтам. На этом фоне возникали новые региональные механизмы координации, сотрудничества и идейного сближения стран, такие как *Petrocaribe*. Появление ALBA, UNASUR и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) представляло собой важную веху в построении нового миропорядка, не приемлющего отношения господства и подчинения.

²⁰ Всего с момента создания формата Латиноамериканских и карибских встреч по солидарной экономике и справедливой торговле было организовано семь подобных мероприятий, которые проходили в разных городах ЛАК. Ссылки на итоговые документы по прошедшим встречам доступны здесь: <http://www.ripest.org/redes-continetales/america-latina-y-caribe/?lang=es>

²¹ Проект Южного энергетического кольца включает в себя газопровод, который начинается в районе Камисеа, на севере Перу, с целью подачи газа на север Чили. Поставки, хотя и в гораздо меньших количествах, также ведутся в Аргентину, Бразилию и Уругвай.

К началу XXI века большое значение в обновлённой трактовке концепта автономии вновь принадлежало региональной интеграции, которая воспринималась латиноамериканскими исследователями как центральный элемент автономии ЛАК:

«интеграция рассматривается, с одной стороны, как этап всеобъемлющего и солидарного развития народов, признавших общее происхождение и предназначение; с другой – как системный инструмент для преодоления факторов поддержания зависимого положения, которые мешают странам достичь полной политической автономии» [Bernal-Meza 2013].

В этих условиях латиноамериканские авторы особенно отмечали важность создания новых региональных интеграционных инициатив, базирующихся на основах солидарности и социального начала. Эти элементы, вытесняющие капиталистическую логику, рассматривались как предпосылки достижения *мирового равновесия* (исп. *el equilibrio del mundo*). Данный подход стал прямой отсылкой к концепту *мирового равновесия*, выдвинутого Хосе Марти как одного из способов обеспечения равноправия государств. Идея, предложенная кубинским публицистом, способная учитывать интересы всех стран ЛАК, рассматриваемой как «Наша Америка»²². Именно совместными усилиями Латинская Америка прокладывает себе дорогу в светлое будущее [Martí 1894].

Важность создания *многополярного мира* красной нитью проходила через весь латиноамериканский внешнеполитический дискурс, в рамках которого подчёркивалось, что глобальный порядок после окончания «холодной войны», характеризовавшийся гегемонизмом США, в итоге привёл к дисбалансу в международных отношениях. Создание «альтернативных полюсов силы» позволило бы восстановить утраченное мировое равновесие. Согласно концепции Чавеса, именно Южная Америка способна стать новым полюсом силы для

противостояния однополярному миру, возглавляемому Вашингтоном [ElIner 2009].

Появление в 2011 г. Тихоокеанского альянса (ТА) – нового интеграционного проекта по созданию зоны свободной торговли – вновь подпитало нелиберальные инварианты международной интеграции, в которых господствовал относительный подход к автономии. В то же время ТА вносил лепту в создание «регионального равновесия» посредством развития отношений с двумя соперничающими силами – США и Китаем [Correa 2016], что постепенно привело к очередному пересмотру концепта автономии.

Таким образом, в течение первых двух десятилетий XXI века в ЛАК превалировало мнение, согласно которому интеграция, основанная на общих ценностях и предполагающая формирование новых региональных альянсов и блоков, является двигателем автономии. Автономия ЛАК достигалась, с одной стороны, за счёт сильной включённости в мировую экономику, а с другой – экономической самодостаточности и своеобразия политической культуры. При этом важной отличительной чертой этой новой формы интеграции стал её многоаспектный охват – помимо экономической сферы она включала в себя такие важные стороны общественной жизни, как культура, образование, спорт, здравоохранение, социальные коммуникации и права человека в широком смысле.

Мировой порядок 2.0: ограниченная автономия и нишевая интеграция

К концу второго десятилетия XXI века ЛАК оказалась между двух огней. С одной стороны, наблюдался относительный упадок влияния США в Западном полушарии, при этом был заметен возврат Вашингтона к политике навязывания своего господства странам региона. С другой стороны, нельзя не отметить обострение соперничества между Китаем и Соединёнными Штатами.

²² Хосе Марти сформулировал концепцию «Нашей Америки», ставшую одной из ключевых в его политических учениях, в которую он включил все государства, находящиеся к югу от р. Рио-Гранде.

Последнее стало характерной чертой именно XXI века по сравнению с предшествующими циклами активизации американского гегемонизма.

Противоборство двух держав усиливалось на фоне *противостояния двух глобальных тенденций*, определявших нормативные контуры системы международных отношений. Взаимодействие на уровне *государств*, где акцентировалось значение именно охраны его границ, территорий, суверенитета, вступало в противоречие с *локализованным, транснациональным взаимодействием*, где понятие границ размыто, а важная роль отведена новым субъектам мировой политики. Это породило геополитическую конкуренцию, усиление международной напряжённости и, как следствие, появление новых вызовов для автономии государств.

С конца 2010-х годов регион оказался политически фрагментированным, что подтверждалось стагнацией и разрушением главных региональных интеграционных инициатив – Mercosur, CAN, AP, ALBA, CELAC и UNASUR. В этой связи показательно создание в 2019 г. по инициативе президентов Колумбии и Чили нового интеграционного блока – Форума за прогресс Южной Америки (исп. *Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR*), призванного заменить собой парализованный внутренними противоречиями UNASUR. Это объединение было представлено как южноамериканский координационный механизм государственной политики в защиту демократии, политической независимости во внешней и внутренней политике, рыночной экономики и социальной повестки.

Главной задачей PROSUR стало формирование нового переговорного пространства без какой-либо идеологии. Практически же этот интеграционный проект преследовал цель наложения ограничений на правительство Венесуэлы, возглавляемое Николасом Мадуро. Последнее стремительно теряло региональную поддержку. Более того, предпринимались усилия по содействию венесуэльской оппозиции в её

борьбе с официальными властями [Пятаков 2020]. В результате деятельность нового объединения скорее разделяла, нежели объединяла Южную Америку.

Начало 2020-х годов было отмечено крупнейшим экономическим спадом в новейшей истории региона, вызванным пандемией COVID-19, а также хозяйственной и идеологической дезинтеграцией ЛАК [Ивановский 2022; Косевич 2020]. При этом произошла резкая смена идеологической карты Латинской Америки, в которой начали доминировать «новые левые» правительства. Хотя эти силы признают важность многополярного мира, им несвойственны ни антиамериканизм, ни погоня за коренной трансформацией межамериканской системы. Вместе с тем у них наблюдается чёткая ориентация на решение насущных практических задач – региональное и национальное развитие, сближение с международными валютно-финансовыми организациями [Косевич 2020].

Как следствие, страны ЛАК постепенно отошли от предсказуемой, относительно постоянной модели внутрорегиональных отношений с конкретными принципами межгосударственного взаимодействия. Ей на смену пришла неустойчивая, фрагментарная и лишённая поведенческой регулярности форма взаимоотношений. Эти процессы контрастировали с идеями об объединении сил всех латиноамериканских стран, превалирующими в предыдущие исторические периоды. По мере того как очередное падение экономики региона становилось всё более очевидным, возрастал уровень его уязвимости к внешнему вмешательству.

Как итог, произошло формирование в ЛАК нового концепта – *ограниченной автономии*. Он базировался на идее сохранения *равноудалённого положения* по отношению к США и Китаю – двум противоборствующим державам, от которых зависело устойчивое развитие региона. Появление свободы и самостоятельности внешнеполитических действий связывалось как с хрупкостью глобальных и региональных сценариев, так и со способ-

ностью государств предвидеть проблемы и быть устойчивыми перед лицом неожиданных событий, что позволяет им снижать риски.

«Ограниченная автономия» (autonomía líquida) – автономия, предполагающая проактивность, вариативность и гибкость перед лицом новых вызовов и возможностей, создаваемых сценариями «Вестфалия» и «Глобализация». Это понятие также означает определённый тип оборонительного прагматизма, заключающийся в том, чтобы предлагать уступки по конкретным вопросам, которые функциональны для получения пространства для манёвра в других будущих противостояниях. Сегодня речь идёт не об «автономии в сопротивлении», а об «автономии в стойкости» [Actis, Malacalza 2021].

Интеграция же приняла форму *нишевого сотрудничества* с исторически родственными странами, которое рассматривается как инструмент, способный повысить переговорный потенциал и усилить возможности противостояния глобальным рискам.

Термин *«нишевое сотрудничество»* (исп. *agenda de nicho*) используется аргентинскими специалистами по международным отношениям Эстебаном Актисом и Бернабе Малакальца для описания концепта ограниченной автономии [Actis, Malacalza 2021]. Исследователи намеренно прибегают к неоднократному использованию термина «нишевый» для акцентирования особой природы новой системы международных отношений, где возможности её субъектов ограничены их адресованностью на определённый круг субъектов, рассматриваемых преимущественно как потребители.

Стратегический альянс Мексики и Аргентины по производству вакцины против COVID-19 (2020)²³ и аргентино-бра-

зильский центр биотехнологии (2019), к которому позже присоединился Уругвай (2021)²⁴, являются примерами региональных нишевых программ.

Таким образом, для сохранения автономии и максимального ограничения вмешательства извне внешняя политика латиноамериканских стран должна дополнять участие в интеграционных объединениях формированием перечня новых стратегических партнёрств с разными странами, воплощённых в различных совместных программах. *Анклавы автономии* должны быть сформированы на основе общих приоритетов и с помощью нишевой дипломатии. Речь идёт об обновлённой *дипломатии 3-М* (многомерной, многосторонней и многоуровневой), в которой участвуют не только правительства, но и местные органы власти, субъекты гражданского общества, учёные, бизнесмены и простые граждане²⁵.

* * *

Автономия была и остаётся в центре внимания теоретических исследований в области международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки. При этом углубление и укрепление сотрудничества с соседями по региону традиционно являлись приоритетом для латиноамериканских государств, вокруг которых строилась их внешняя политика. Если значение региональной интеграции как ядра международных отношений ЛАК оставалось незыблемым, лишь незначительно меняя свои формы и уклоны, то концепт автономии никогда не был неизменным и статичным. Он приобретал новое звучание и характеристики, трансформируясь согласно преобладающим тенденциям и процессам, которые доминировали в регионе в конкретный исторический

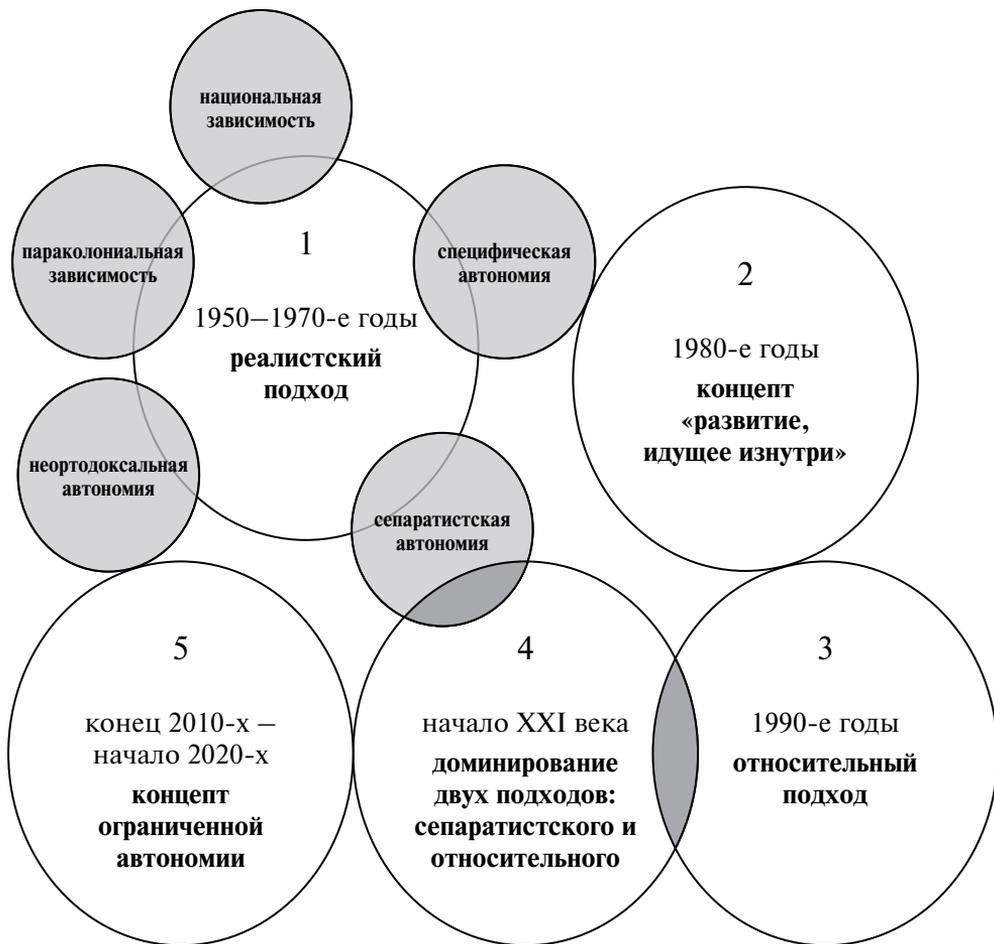
²³ Gobierno de México. México anuncia alianza estratégica para la producción de la vacuna contra COVID-19. <https://www.gob.mx/sre/articulos/mexico-anuncia-alianza-estrategica-para-la-produccion-de-la-vacuna-contra-covid-19-250178?idiom=es#:~:text=En%20este%20acuerdo%20participan%20un,incluye%20una%20transferencia%20de%20tecnolog%C3%ADa.>

²⁴ CABBIO – Centro Latinoamericano de Biotecnología. <https://www.cabbio.uy/>

²⁵ Hacia una gobernanza regional 3M: multilateral, multinivel y multiactoral. working paper durante el “Foro Global Colabora . 2021 Gobernando la pandemia”, organizado por Asuntos del Sur, en alianza con universidades y think tanks de 6 países latinoamericanos.

Рисунок

Теоретические основания внешней политики стран Латинской Америки: основные этапы

Источник: составлено автором.

период. Трактовка автономии пересматривалась под давлением комбинации взаимосвязанных факторов, включающих преобладающие модели мышления и дискурсы, текущие материальные условия, происходящие трансформации общества, а также конкретных политических деятелей.

По результатам проведённого исследования автор выделяет пять основных этапов развития концептов автономии и интеграции во внешней политике стран Латинской Америки (рис.).

Первый этап пришёлся на период 1950–1970-х годов, который характеризовался преобладанием реалистского подхода. Вторым этапом, охватившим 1980-е годы, был отмечен возвышением стратегии «развитие, идущее изнутри». Третий этап затронул 1990-е годы, в течение которых доминировал концепт относительной автономии. Четвёртому этапу (начало XXI века) было присуще доминирование двух подходов: сепаратистского и относительного. Пятый этап (конец 2010-х – на-

чало 2020-х годов) стал для ЛАК очередным испытанием кризисом. Он привёл к формированию нового подхода к автономии и интеграции, фактически завершив историю классической непоколебимо прочной автономии. В итоге треть десятилетия XXI века проходит под лозунгом *концепта ограниченной автономии* – подвижной автономии, находящейся в состоянии конъюнктурного дрейфа.

В то же время следует подчеркнуть, что для ЛАК характерно резкое и скачкообразное, но одновременно циклическое развитие. Это даёт основание полагать, что концепт автономии и роль интеграции будут продолжать не только меняться, но и вновь возвышать традиционные подходы к этим понятиям, наделяя их эвристическим потенциалом для анализа региональной и глобальной динамики.

Список литературы

- Ивановский З.В. «Правый дрейф» в Латинской Америке: причины, итоги и перспективы // Латиноамериканский исторический альманах Института всеобщей истории РАН. 2022. Т. 1. № 35. С. 133–160.
- Интеграция в Западном полушарии на пороге XXI века / Отв. ред. А.Н. Глинкин. М.: ИЛА, 1999. 300 с.
- Косевич Е.Ю. Иерархия мотивов латиноамериканского протеста // Международные процессы. 2020а. Т. 18. № 2. С. 92–109.
- Косевич Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // Латинская Америка. 2020. № 10. С. 39–53.
- Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 85–93.
- Пятаков А.Н. PROSUR – новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 15–36.
- Садченко В.Н. Политика малых и средних государств в рамках теории «периферийного реализма» К. Эксуде // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 2. С. 56–63.
- Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М.: ИЛА, 2000. 360 с.
- Сударев В.П. Две Америки после окончания «холодной войны». М.: Наука, 2004. 205 с.
- Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–38.
- Actis E., Malacalza B. Las Políticas Exteriores de América Latina en Tiempos de Autonomía Líquida // Nueva Sociedad. URL: <https://nuso.org/articulo/las-politicas-exteriores-de-america-latina-en-tiempos-de-autonomia-liquida/#footnote-17> (accessed: 23.08.2022).
- Agnew J., Oslender U. Territorialidades superpuestas, soberanía en disputa: lecciones empíricas desde América Latina. Bogotá – Colombia: Tabula Rasa. 2010. No. 13. P. 191–213.
- Aranda G., Morandé J. Los Derechos Humanos en la Política Exterior de Chile. Pragmatismo y Énfasis multilateral // Derechos Humanos en Política Exterior. Seis Casos Latinoamericanos / Ed. by N. Saltalamacchia, A. Covarrubias. México: Editorial Porrúa, 2011. P. 87–121.
- Bansart A. Los cambios sociales y políticos en América Latina. En Orbis incognitvs // Avisos y legajos del Nuevo Mundo: homenaje al profesor Luis Navarro García / ed. by F.N. Antolín, L.N. García (hom.). 2007. Vol. 2. P. 627–632.
- Bernal-Meza R. Heterodox Autonomy Doctrine: Realism and Purposes, and its Relevance // Revista Brasileira de Política Internacional. 2013. No. 56. P. 45–62.
- Bernal-Meza R. América Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoría de las Relaciones Internacionales. Buenos Aires : Sociedad Global, Servicios Académicos Intercontinentales SL, 2005. 395 p.
- Boron A.A. Socialismo Siglo XXI: ¿Hay Vida después del Neoliberalismo? Buenos Aires: Luxemburg, 2009. 144 p.
- Briceño Ruiz J., Simonoff A. La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales. // Estudios internacionales (Santiago). 2017. No. 49(186). P. 39–89.
- Calduch R. Las relaciones internacionales en la obra de los dirigentes soviéticos: Una reflexión teórica // Revista de Estudios Internacionales. 1981. Vol. 2. No. 3. P. 543–597.
- Cardoso F.H. Problemas del Subdesarrollo Latinoamericano. México: Nuestro Tiempo, 1973. 195 p.
- Cardoso F.H. La originalidad de la copia: la CEPAL y la idea de desarrollo // Revista de la CEPAL. 1977. No. 4. P. 7–40.

- Ceceña A.E.* El Posneoliberalismo y sus Bifurcaciones // Observatorio Latinoamericano de Geopolítica. 2008. No. 10. P. 1–12.
- Colacrai M., Lorenzini M.E.* La Política Exterior de Chile: ¿Excepcionalidad o Continuidad? Una Lectura Combinada de 'Fuerzas Profundas' y 'Tendencias' // Confinés. 2005. No. 2. P. 45–63.
- Correa Serrano M.A., Salgado E.C.* La Alianza del Pacífico: Entre la Geopolítica de China y de Estados Unidos // México y la Cuenca del Pacífico. 2016. No. 14. P. 19–52.
- Cox R.* Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects of an Alternative World Order // Review of International Studies. 1999. No. 25. P. 3–28.
- Delgado G.R.* Neoliberalismo y Convergencia Contable. Orígenes, Características y Propuestas // Lúmina. 2010. No. 11. P. 264–278.
- Ellner S.* La Política Exterior del Gobierno de Chávez: La Retórica Chavista y los Asuntos Sustanciales // Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales. 2009. No. 15. P. 115–132.
- Escudé C.* Realismo Periférico: fundamentos para la nueva política exterior argentina. Buenos Aires: Planeta. 1992. 292 p.
- Fajnzylber F.* Competitividad Internacional: Evolución y Lecciones // Revista de la CEPAL. 1988. No. 36. P. 7–24.
- Gordy K.A.* Situated Political Theory in Latin America // The Oxford Handbook of Comparative Political Theory / ed. by L.K. Jenco, M. Idris, M.C. Thomas. New York: Oxford University Press, 2020. P. 544–548.
- Hofman A.A.* The economic development of Latin America in the twentieth century. ECLAC: Edward Elgar Publishing, 2000. 322 p.
- Jaguaripe H.* Dependencia y Autonomía en América Latina // La Dependencia Político-económica de América Latina / Ed. by H. Jaguaripe. México: CLASCO, 1969. P. 1–8.
- Jaguaripe H.* Hegemonía Céntrica y Autonomía Periférica // Estudios Internacionales. 1979. No. 46. P. 91–180.
- Kaplan M.* Aspectos Políticos del Dialogo Norte-Sur // Revista de estudios políticos. 1983. No. 33. P. 187–206.
- Kosevich E.* Russian Foreign Policy in Latin America and the Caribbean in the Twenty-first Century. Latin American Perspectives. 2022a. <https://doi.org/10.1177/0094582X221138285>.
- Kosevich E.* Russia's Relations with the Countries of Latin America at the Beginning of the 21st Century: Four Levels of Interstate Interaction. Russian Politics. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 450–484. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604027>.
- Lechini G.* La Cooperación Sur-Sur y la Búsqueda de Autonomía en América Latina: ¿Mito o Realidad? // Relaciones Internacionales. 2009. No. 12. P. 55–81.
- Long T., Schulz C.A.* Republican Internationalism: The Nineteenth-Century Roots of Latin American Contributions to International Order // Cambridge Review of International Affairs. 2021. Vol. 35. No. 5. P. 639–661. DOI: 10.1080/09557571.2021.1944983.
- Marini R.M.* Dialéctica de la dependencia. En: América Latina, dependencia y globalización. Fundamentos conceptuales Ruy Mauro Marini. Antología y presentación Carlos Eduardo Martins. Bogotá: Siglo del Hombre – CLACSO, 1973. P. 9–77.
- Martí J.* El Tercer Año del Partido Revolucionario Cubano. Tomo 3. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1894. 304 p.
- Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas // Ed. by L.R. Villagra. Asunción: CLACSO. 2015. 316 p.
- O'Donnell G.* El Estado Burocrático Autoritario. Buenos Aires: Prometeo libros, 1982. 90 p.
- O'Donnell G.* Modernización y Autoritarismo. Buenos Aires: Paidós, 1972. 180 p.
- Orantes I.C.* El concepto de integración // Revista CEPAL. E/CEPAL/G.1187. 1981. No. 15. P. 1–19.
- Portes A., L. Guarnizo y P. Landolt.* "The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field" // Ethnic and Racial Studies. 1999. 40(9). P. 1486–1491.
- Prebisch R.* Capitalismo Periférico: Crisis y Transformación. Santiago: Fondo de cultura económica, 1981. 344 p.
- Prebisch R.* Las Fuerzas Espontáneas y la Estrategia del Desarrollo en el Sistema Económico // Transformaciones y Desarrollo. La Gran Tarea de América Latina. ed. by E. V. Iglesias. México: Fondo de Cultura Económica, 1970. P. 227–246.
- Preciado J., Uc P.* La(s) autonomía(s) en América Latina // L'Ordinaire des Amériques. 2010. No. 214. P. 199–220.
- Puig J.C.* América Latina: Políticas Exteriores Comparadas. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano, 1984. 556 p.
- Puig J.C.* Integración y Autonomía en América Latina en las Postrimerías Siglo XX // Integración Latinoamericana. 1986. No. 109. P. 40–62.

- Santana C.D., Bustamante G.A.* La Autonomía en la Política Exterior Latinoamericana: Evolución y Debates Actuales // *Papel político*. 2013. No. 2. P. 719–742.
- Simonoff A.C., Lorenzini M.E.* Autonomía e Integración en las Teorías del Sur: Desentrañando el Pensamiento de Hélio Jaguaribe y Juan Carlos Puig // *Iberoamericana*. 2019. No. 48. P. 96–106.
- Sunkel O.* El Desarrollo desde adentro: Un Enfoque Neoestructuralista para la América Latina. México: Fondo de Cultura Económica, 1991. 507 p.
- Sunkel O.* Las Relaciones Centro-periferia y la Transnacionalización // *Pensamiento Iberoamericano*. 1987. No. 11. P. 31–52.
- Tokatlian J., Russel R.* De la Autonomía Antagónica a la Autonomía Relacional: Una Mirada Teórica desde el Cono Sur // *Perfiles Latinoamericanos*. 2002. No. 21. P. 159–194.
- Tomassini L.* Teoría y Práctica de la Política Internacional. Santiago: Universidad Católica de Chile, 1989. 342 p.
- Vigevani T., Cepaluni G.* A Política Externa de Lula da Silva: A Estratégia da Autonomia pela Diversificação // *Contexto Internacional*. 2007. No. 2. P. 273–335.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FOREIGN POLICY OF LATIN AMERICAN NATIONS

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF AUTONOMY AND THE ROLE OF INTEGRATION*

EKATERINA KOSEVICH

HSE University, 101000, Moscow, Russia

Abstract

Autonomy has always been the focus of theoretical research in the field of international relations and foreign policy of Latin American countries. At the same time, deepening and strengthening cooperation with neighbors in the region has traditionally been an unshakable priority for all Latin American states, around which their entire foreign policy was built. The article considers the crucial stages of development that the concept of autonomy has gone through in the framework of international relations theories developed by Latin American scholars. Simultaneously, the changing role and essential characteristics of integration are studied as a process that modifies its direction under the pressure of various external and internal forces. The author analyzes the key theoretical approaches of Latin American countries to the study of international relations and foreign policy in the period from the middle of the 20th century to the beginning of the 21st century. The research also considers the determining factors influencing the evolution of the intra-regional and extra-regional directions as regards the foreign policy of the states in the region. Identifying the system of elements that form the core of modern Latin American foreign policy and combining global and national components allow us to determine the substantial changes in the paradigmatic nature of international relations, which is the key to understanding the modern activities of Latin American countries in the international arena, substantiating the relevance and novelty of this study. The author examines five main stages in the evolution of the concept of autonomy, which have become a reflection of real historical events. Each of them is interconnected with the concept of integration in its

* This work has been supported by the grants from the Russian Science Foundation, RSF 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

own way: the first stage was characterized by the prevalence of a realistic approach; the second stage was marked by the strategy of "development coming from within"; during the third stage, the concept of relative autonomy dominated; the fourth stage was characterized by the dominance of two approaches: separatist and relative; the fifth stage takes place under the slogan of the concept of «liquid autonomy».

Keywords:

Latin America; theory of international relations; autonomy; integration; international relationships; world-system.

References

- Actis E., Malacalza B. (2021). Las Políticas Exteriores de América Latina en Tiempos de Autonomía Líquida. *Nueva Sociedad*. URL: <https://nuso.org/articulo/las-politicas-exteriores-de-america-latina-en-tiempos-de-autonomia-liquida/#footnote-17> (accessed: 23.08.2022).
- Agnew J., Oslender U. (2010) *Territorialidades superpuestas, soberanía en disputa: lecciones empíricas desde América Latina*. Bogotá – Colombia : Tabula Rasa. No. 13. P. 191–213.
- Aranda G., Morandé J. (2011). Los Derechos Humanos en la Política Exterior de Chile. Pragmatismo y Énfasis multilateral. In *Derechos Humanos en Política Exterior. Seis Casos Latinoamericanos*. México: Editorial Porrúa. P. 87–121.
- Bansart A. (2007) *Los cambios sociales y políticos en América Latina*. En *Orbis incognitus. Avisos y legajos del Nuevo Mundo: homenaje al profesor Luis Navarro García / coord. por Fernando Navarro Antolín; Luis Navarro García (hom.)*. Vol. 2. P. 627–632.
- Bernal-Meza R. (2013). Heterodox Autonomy Doctrine: Realism and Purposes, and its Relevance. *Revista Brasileira de Política Internacional*. No. 56. P. 45–62.
- Bernal-Meza, R. (2005). *América Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoría de las Relaciones Internacionales*. Buenos Aires: Nuevohacer. 395 p.
- Boron A.A. (2009). *Socialismo Siglo XXI: ¿Hay Vida después del Neoliberalismo?* Buenos Aires: Luxemburg, 1.ª edición, 144 p.
- Briceño Ruiz, J., Simonoff, A. (2017). La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales. *Estudios internacionales (Santiago)*. No. 49(186). P. 39–89.
- Calduch R. (1981). Las relaciones internacionales en la obra de los dirigentes soviéticos: Una reflexión teórica. *Revista de Estudios Internacionales*. Vol. 2. No. 3. P. 543–597.
- Cardoso F.H. (1973). *Problemas del Subdesarrollo Latinoamericano*, México. México: Nuestro Tiempo. 195 p.
- Cardoso F.H. (1977). La originalidad de la copia: la CEPAL y la idea de desarrollo. *Revista de la CEPAL*. No. 4. P. 7–40.
- Cecea A.E. (2008). El Posneoliberalismo y sus Bifurcaciones. *Observatorio Latinoamericano de Geopolítica*. No. 10. P. 1–12.
- Cox R. (1999) Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects of an Alternative World Order. *Review of International Studies*. No. 25. P. 3–28.
- Colacrai M., Lorenzini M. E. (2005). La Política Exterior de Chile: ¿Excepcionalidad o Continuidad? Una Lectura Combinada de 'Fuerzas Profundas' y 'Tendencias'. *Confines*. Vol. 1. No. 2. P. 45–63.
- Correa Serrano M. A., Salgado E. C. La Alianza del Pacífico: Entre la Geopolítica de China y de Estados Unidos. *México y la Cuenca del Pacífico*. No. 14. P. 19–52.
- Delgado G.R. (2010). Neoliberalismo y Convergencia Contable. Orígenes, Características y Propuestas. *Lúmina*. No. 11. P. 264–278.
- El'muradov A. (2021). Postkolonial'naya/dokolonial'naya Kritika i Teoriya Mezhdunarodnykh Otnoshenij [Postcolonial/decolonial critique and international relations theory]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 14. No. 3. P. 23–38.
- Ellner S. (2009). La Política Exterior del Gobierno de Chávez: La Retórica Chavista y los Asuntos Sustanciales. *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*. No. 15. P. 115–132.
- Escudé C. (1992). *Realismo Periférico. Fundamentos para la nueva política exterior argentina*. Buenos Aires: Planeta. 292 p.
- Fajnzylber F. (1988). Competitividad Internacional: Evolución y Lecciones. *Revista de la CEPAL*. No. 36. P. 7–24.
- Glinkin A.N. (ed.) (1999). *Integratsiya v Zapadnom polusharii na poroge XXI veka* [Integration in the Western Hemisphere on the Threshold of the 21st Century]. Moscow: ILA RAS. 300 p.
- Gordy K.A. (2020). Situated Political Theory in Latin America. In *The Oxford Handbook of Comparative Political Theory*. New York: Oxford University Press. P. 544–548.

- Hofman A.A. (2000). *The economic development of Latin America in the twentieth century*. ECLAC: Edward Elgar Publishing. P. 322.
- Jaguaribe H. (1969). Dependencia y Autonomía en América Latina. In *La Dependencia Político-económica de América Latina*. México: CLASCO. P. 1–8.
- Jaguaribe H. (1979). Hegemonía Céntrica y Autonomía Periférica. *Estudios Internacionales*. No. 46. P. 91–180.
- Ivanovskiy Z.W. (2022). «Pravyy drejff» v Latinskoj Amerike: prichiny, itogi i perspektivy [“Right Drift” in Latin America: Causes, Outcomes, and Prospects] *Latino-Amerikanskij istoricheskij almanakh*. Vol. 1. No. 35. P. 133–160.
- Kaplan M. (1983). Aspectos Políticos del Dialogo Norte-Sur. *Revista de estudios políticos*. No. 33. P. 187–206.
- Kosevich E.Yu. (2020). Ierarkhiya Motivov Latinoamerikanskogo Protesta [Hierarchy of Latin American protest]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 92–109.
- Kosevich E.Yu. (2020). Latinskaya Amerika: koronavirus i novyy politicheskij landschaft. [Latin America: Coronavirus and the New Political Landscape]. *Latinskaya Amerika*. No. 10. P. 39–53.
- Kosevich E. (2022). Russian Foreign Policy in Latin America and the Caribbean in the Twenty-first Century. *Latin American Perspectives*. <https://doi.org/10.1177/0094582X221138285>.
- Kosevich E. (2022). Russia's Relations with the Countries of Latin America at the Beginning of the 21st Century: Four Levels of Interstate Interaction. *Russian Politics*. Vol. 7. No. 3. P. 450–484. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604027>.
- Lechini G. (2009). La Cooperación Sur-Sur y la Búsqueda de Autonomía en América Latina: ¿Mito o Realidad? *Relaciones Internacionales*. No. 12. P. 55–81.
- Long T., Schulz C.A. (2021). Republican Internationalism: The Nineteenth-Century Roots of Latin American Contributions to International Order. *Cambridge Review of International Affairs*. 35:5. P. 639–661, DOI: 10.1080/09557571.2021.1944983
- Marini, R. M. (1973). *Dialéctica de la dependencia*. En: América Latina, dependencia y globalización. Fundamentos conceptuales Ruy Mauro Marini. Antología y presentación Carlos Eduardo Martins. Bogotá: Siglo del Hombre – CLASCO. P. 9–77.
- Martí J. (1894). *El Tercer Año del Partido Revolucionario Cubano*. Tomo 3. La Habana.: Editorial de Ciencias Sociales, 1894. P.304 p.
- O'Donnel G. (1972). *Modernización y Autoritarismo*. Buenos Aires: Paidós. 180 p.
- O'Donnel G. (1982). *El Estado Burocrático Autoritario*. Buenos Aires: Prometeo libros. P. 90.
- Orantes I.C. (1981). *El concepto de integración*. *Revista CEPAL*. E/CEPAL/G.1187. No. 15. 19 p.
- Portes A., L. Guarnizo y P. Landolt (1999). The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 40. No. 9. P. 1486–1491.
- Prebisch R. (1981). *Capitalismo periférico: Crisis y Transformación*. Santiago: Fondo de cultura económica. 344 p.
- Prebisch R. (1970). Las Fuerzas Espontáneas y la Estrategia del Desarrollo en el Sistema Económico. In *Transformaciones y Desarrollo. La Gran Tarea de América Latina*. México: Fondo de Cultura Económica. P. 227–246.
- Preciado J., Uc P. (2010). La(s) autonomía(s) en América Latina. *L'Ordinaire des Amériques*. No. 214. P. 199–220.
- Puig J.C. (1984). *América Latina: Políticas Exteriores Comparadas*. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano. 556 p.
- Puig J.C. (1986). Integración y Autonomía en América Latina en las Postrimerías Siglo XX. *Integración Latinoamericana*. Vol. 11. No. 109. P. 40–62.
- Pyatakov A.N. (2018). Latinoamerikanskie Podkhody k Probleme Globalizatsii: Vzgl'yad Skvoz' XXI vek [Latin American approaches to the problem of globalization: a look through the 21st century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62. No. 1. P. 85–93.
- Pyatakov A. (2020). PROSUR – novyy mekhanizm yuzhnoamerikanskoj (dez)integracii? [PROSUR – a new South American (des)integration mechanism?]. *Latinskaya Amerika*. No. 7. P. 15–36 DOI: 10.31857/S0044748X0009859-3.
- Sadchenko V.N. (2021). Politika Malykh y Srednikh Gosudarstv v Ramkakh Teorii “Periferijnogo Realizma” K. Eskude [The policy of small and medium-sized states within the framework of the theory of “peripheral realism” by K. Exude]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. P. 56–63.
- Santana C.O., Bustamante G.A. (2013). La Autonomía en la Política Exterior Latinoamericana: Evolución y Debates Actuales. *Papel político*. Vol. 18. No. 2. P. 719–742.
- Simonoff A.C., Lorenzini M.E. (2019). Autonomía e Integración en las Teorías del Sur: Desentrañando el Pensamiento de Hélio Jaguaribe y Juan Carlos Puig. *Iberoamericana*. No. 48. P. 96–106.

- Sudarev V.P. (2000). *Vzaimozavisimost' i konflikt interesov. SSHA i Latinskaya Amerika (vtoraya polovina XX veka)* [Interdependence and conflict of interest. USA and Latin America (second half of the 20th century)]. Moscow: ILA. 360 p.
- Sudarev V. P. (2004). *Dve Ameriki posle okonchaniya «kholodnoj vojny»*. [Two Americas after the end of the Cold War]. Moscow: Nauka. 205 p.
- Sunkel O. (1987). Las Relaciones Centro-periferia y la Transnacionalización. *Pensamiento Iberoamericano*. No. 11. Madrid. P. 31–52
- Sunkel O. (1991). *El Desarrollo desde adentro: Un Enfoque Neoestructuralista para la América Latina*. México: Fondo de Cultura Económica. 507 p.
- Tokatlian J., Russel R. (2002). De la Autonomía Antagónica a la Autonomía Relacional: Una Mirada Teórica desde el Cono Sur. *Perfiles Latinoamericanos*. Vol. 10. No. 21. P. 159–194.
- Tomassini L. (1989). *Teoría y Práctica de la Política Internacional*. Santiago: Universidad Católica de Chile. 342 p.
- Vigevani T., Cepaluni G. (2007). A Política Externa de Lula da Silva: A Estratégia da Autonomia pela Diversificação. *Contexto Internacional*. Vol. 29 No. 2. P. 273–335.
- Villagra L.R. (ed.) (2015). *Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas*. Asunción: CLACSO. 316 p.